



Злата Хитрова

ВЛАСТНЫЙ ХИРУРГ.
*Я разрушу
твою систему!*

Злата Хитрова

Властный хирург. Я разрушу твою систему!

<https://litres.ru/74644199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я мечтала стать хирургом. Но на экзамене моя рука дрогнула, скальпель упал, а сын ректора объявил меня позором профессии.

Меня лишили практики, выставили из общежития и оставили без денег. Марк Верещагин называл это проверкой на прочность. Артём Ланской обещал спасти, пока тайно помогал подделывать результаты.

Они думали, я сломаюсь. Буду умолять, подпишу любой контракт, соглашусь на чужие правила.

Но я нашла записи настоящего экзамена. И доказательства того, кто устраивал ловушки студентам.

Теперь они сидят перед комиссией, а говорить буду я.

Я больше не прошу разрешения стать врачом. И не собираюсь принадлежать ни одному из них.

Моя жизнь принадлежит только мне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Злата Хитрова

Властный хирург. Я разрушу твою систему!

Глава 1

До четвёртой операционной оставались две двери. У первой я притормозила: в отполированном линолеуме отражалась лампа, а подошвы моих ботинок скользили. Очень вовремя будет ещё и растянуться перед комиссией. Хлоргексидином здесь пахло всегда; сегодня от него сводило скулы. Я сглотнула и пошла дальше, придерживая карман халата, чтобы не звякнул телефон.

В карманах прятались руки. Большой палец никак не попадал на ноготь указательного — так сильно трясло. С обеда вчера я ничего не ела: просидела ночь в библиотеке над кардиологией, ходила только к кофейному автомату. На последнем стакане кофе уже тошнило, но я допила, чтобы не уснуть. Теперь бы хлеба. Половинку печенья. Что угодно, только экзамен уже начался. Я сжала кулаки и проверила, не видно ли дрожи через ткань. Анатомию я могла отвечать без подготовки. С пальцами договориться почему-то не получалось.

За дверью гудела вентиляция. Я сперва увидела стол и только потом человека на нём — мужчину лет пятидесяти. Грудь была открыта. Между красными краями разреза сокращалось сердце, и я несколько секунд смотрела только на него: сжалось, разжалось, опять сжалось. Всё, что на учебной схеме было аккуратно подписано, здесь блестело и двигалось. Я знала названия. От знания легче не становилось.

— Королёва. Марк Верещагин стоял у стола. Даже рукав у него не замялся, пока он складывал руки на груди; я машинально потянула вниз край собственного халата. — Хватит мяться в дверях. Твой скальпель. Он сказал это так, что комиссия у задней стены сразу повернула ко мне головы. Можно было ещё секунду остаться в дверях — и опоздать уже не на экзамен, а к собственному позору.

Я приблизилась к столу, дыша через рот. Медсестра подавала инструмент. Перчатка чуть сползала с мизинца; пришлось поправить её, прежде чем взяться за скальпель. Доступ к перикарду был подготовлен, оставалось выполнить мой этап. На схеме я показала бы его одной линией. Здесь надо было провести эту линию по живому. Я наклонилась, выбрала точку и обнаружила, что смотрю не на неё, а на дрожащий кончик лезвия.

А моя рука предательски затряслась. Кончик скальпеля дрожал. Я попыталась опереться мизинцем, но и он не слушался.

В стекле напротив отразились Марковы глаза. Я попробов-

вала поймать его взгляд — хоть один кивок, что я правильно выбрала место. Он повернулся к монитору. Значит, подкаски не будет. «Адаптация через шок» — он любил повторять это на занятиях. Удобное название для минуты, когда студентка стоит с инструментом и уже не понимает, можно ли попросить помощи, не получив ещё хуже.

В этот момент кто-то толкнул меня локтем.

Позади стояла Вика Смирнова, сегодня ассистентка. После толчка она даже не отступила, лишь улыбнулась. Я посмотрела на её локоть, потом на лицо. Ну скажи «извини». Сделай вид, что случайно. Она продолжала смотреть на мои руки. О страхе крови знала: видела, как я белела на занятиях, и каждый раз находила кого-нибудь, кому можно шепнуть об этом. Сейчас зрители уже собрались.

В момент толчка из раны брызнула капля прямо на защитные очки. Я моргнула, но капля осталась на стекле. Теперь куда ни смотрела — везде была кровь. Сердце пациента продолжало биться, но для меня оно стало грохотать, заглушая все мысли.

Скальпель выскользнул из влажных от пота пальцев.

Скальпель ударился о край лотка. Звякнул дважды — второй раз тише, и этот второй звук почему-то было больше слышать. Медсестра перестала двигаться. Игнатов у задней стены поднял подбородок; ректор смотрел на меня, не меняя лица. Я осталась над столом с пустыми пальцами. Надо было отойти, но мне казалось: пока стою здесь, ещё можно сделать

вид, что всё поправимо.

И тут начал пищать монитор.

Сигнал сначала был коротким, потом повторился. Я подняла глаза, не успевая разобрать цифры. Артём проверил монитор, кивнул медсестре — и к пациенту никто не бросился. Ложная тревога? Почему тогда не выключат? Мужчина лежал неподвижно; я пыталась посмотреть ему в лицо, но возвращалась к открытой груди. Каждый новый писк совпадал с мыслью, что я сделала что-то непоправимое.

— Если ты не можешь видеть кровь, иди пропалывать грядки, а не трать мои нервы. Марк наконец повернулся. Я дёрнулась на слове «грядки»; он это заметил и договорил, уже глядя прямо на меня: — Ты позоришь профессию. Позоришь себя.

Грядки. Очень хорошо. Я ещё вчера ночью считала, какие главы успею повторить, а он уже решил, зачем мне руки. Хотелось показать на Вику, сказать про толчок, про каплю на очках. Но рядом стоял Игнатов, и я знала, как он слушает оправдания: сначала вздыхает, потом ставит отметку. Ректор вообще не вздохнул. Я открыла рот и закрыла. Даже «она меня толкнула» выходило каким-то детским — словно я жаловалась учителю на перемене.

Отступая, я задела пяткой ножку стола. Артём Ланской двинулся к лотку. Впервые за всё это время кто-то посмотрел не на моё лицо, а туда, куда упал инструмент. Я вцепилась в край собственного халата. Если он сейчас спокойно уберёт

скальпель, если работа продолжится, можно будет хотя бы выйти отсюда, а не стоять перед ними до вечера.

— Стоять. Марк поднял ладонь, и Артём остановился, не дотянувшись до лотка. — Слабое звено должно быть удалено немедленно. Никаких костылей. Никакой помощи тем, кто не может держать инструмент. Я уже прикинула, что сказать в деканате, когда меня спросят о причине отстранения. «Не смогла держать инструмент» — так и запишут. Про Викин локоть никто не спросит.

Артём не спорил вслух. Он лишь тихо произнес, глядя на экран монитора: — Сигнал тревоги дал неверно настроенный блок. За настройки отвечал я. Моя ошибка.

Марк хмыкнул. Ректор посмотрел на Артёма, и тот не отвёл глаз. На мгновение мне даже удалось вдохнуть: вместо приказа выгнать меня они обсуждали настройки. Только Ланской теперь тоже стоял перед комиссией виноватым. Я мысленно обещала сказать ему спасибо, нормально, без запинок. В тот момент казалось, что это самое важное обещание за всю мою жизнь.

Дверь за мной закрылась, отрезав гул вентиляции. Я сделала несколько шагов и остановилась — не знала, куда идти. До следующей стены, наверное. Потом до раздевалки. Щёки горели, и я прижала к ним прохладные ладони, но от этого только сильнее захотелось плакать. В коридоре никто не смотрел. Я всё равно держала лицо, как будто комиссия шла за мной.

У раздевалки я прислонилась спиной к стене. Сняла очки, посмотрела на красную каплю. Вымыла бы их немедленно, только для этого нужно было войти внутрь и встретить ещё кого-нибудь. Пальцы снова тряслись. Я спрятала очки в карман, вытянула перед собой руки и попробовала разжать их. Кожа пахла железом, хотя кровь попала на стекло. Может, запах уже сидел в голове.

В двух метрах от меня, прислонившись к зеркалу, стояла Вика. Она просматривала видео на телефоне, улыбаясь всё шире. На экране мелькнуло моё лицо в защитных очках. Она снимала моё унижение, а я даже не заметила когда.

Из операционной вышли Марк с отцом. Вика повернула телефон к ректору; я увидела, как он наклонился посмотреть запись. Ни замечания за съёмку, ни вопроса, всё ли в порядке с пациентом. Он задержался на каком-то кадре, и Вика провела пальцем по экрану, возвращая видео назад. Меня там можно было прокрутить ещё раз. Стало страшно от того, как буднично они это делали.

Вот почему меня пока оставили. Они ещё смотрели, что будет дальше. Я могла ошибаться — после такого дня в любом движении виделась ловушка, — но ректор сейчас изучал не мои знания. Он изучал запись, на которой я роняю скальпель. А я стояла в двух шагах и никак не могла перестать дрожать. Повернулась боком, чтобы телефон не поймал меня ещё и здесь.

Слеза добралась до подбородка. Я поймала её тыльной

стороной ладони, раньше чем Вика успела поднять голову. Завтра запись будет у группы. Кто-нибудь пришлёт её мне же, с вопросом «это ты?». От этой простой, вполне возможной мелочи захотелось спрятаться сильнее, чем от всего Маркова крика.

«Не ломай ребра», — сказала я себе. Когда становилось страшно, я сжималась так, что грудь начинала болеть, и мама раньше спрашивала: что ты опять скукожилась? Сейчас распрямиться было некому предложить. Я осторожно отвела плечи назад, подышала, считая полосы на стене. Одну. Вторую. Ещё вдох. Мне нужно было продержаться до вечера, а потом найти место, где можно поспать.

Телефон пришлось доставать двумя руками. Я нашла номер Ланского и долго смотрела на кнопку вызова. Он прикрыл меня там; может, и здесь не откажет. У меня не было ни свободной комнаты, ни человека, которому можно было прийти без предупреждения. Попросить о ночлеге — это объяснять всё: про библиотеку, про голод, про то, что я больше не справляюсь. Но он хотя бы уже видел мои руки.

Артём.

Гудок. Второй. Я поднесла телефон ближе к уху, будто это помогало ему быстрее ответить. За дверью раздевалки кто-то засмеялся, и я ушла дальше по коридору. Ещё один гудок. Только не сбрасывай, пожалуйста. Я уже нажала, я больше ни у кого не смогу попросить.

Глава 2

В библиотеку я вернулась через служебную дверь. Артём по телефону сказал ждать здесь; ждать было лучше, чем признаться охраннику, что идти мне некуда. Я села у дубового стола, на полу, куда не доставал свет из коридора. Холод пробирался через юбку. Если подняться на стул, меня увидят из дверей. Если оставаться внизу — затекут ноги. Я выбрала ноги: с ними хотя бы не надо будет объясняться. Над столом потрескивала лампа, и от каждого щелчка я поднимала голову.

Я подтянула колени, спрятала подбородок. На халате подсохло красное пятно; мне хотелось застегнуть поверх него куртку, но двигаться лишний раз было страшно. Завтра снова отвечать. Я уже слышала, как Марк спросит, не передумала ли я пропалывать грядки. В темноте эти слова звучали особенно убедительно. «Не ломай ребра. Терпи». Я произносила это без голоса, разжимая плечи, и тут щёлкнула дверь служебного входа. Укрыться глубже было некуда.

От верхнего света пришлось закрыться ладонью. В дверях стоял Ланской с двумя бумажными стаканчиками. Пока глаза привыкали, я успела подумать: зачем два, если он пришёл меня выгонять? Артём оглядел моё место у ножки стола. Взгляд задержался на распущенных волосах, потом на халате. Я поспешно поправила ворот. Он видел меня после

экзамена; всё равно не хотелось, чтобы запомнил ещё и такой. Он усмехнулся, подходя ближе, и я не сразу поняла, надо ли ждать насмешки.

— Держи, — сказал он просто, подходя ближе и протягивая мне один из стаканчиков. — Кофе. Растворимый, зато горячий. Твоя температура тела падает быстрее, чем твоя самооценка.

Я вскочила, прежде чем он успел наклониться и вручить мне стаканчик сверху вниз. Колени подвели: пришлось опереться о стол. Кофе плеснул через край, обжёг пальцы. Я стряхнула капли и потянула юбку на коленях, как будто её можно было одним движением отряхнуть от всех ночёвок. — Ты всё-таки пришёл. Ты... будешь писать на меня? Вышло некрасиво: попросила помощи, а теперь сама же подозреваю его. Но про запись у Вики я ещё не успела забыть.

Артём сел напротив, прямо на пол. Скрестил ноги, поставил свой кофе у ботинка. Ни вопроса про общежитие, ни удивления: будто мы договорились встречаться под столом. — Докладную? На кого? На девочку, которая боится темноты больше, чем смерти на операционном столе? Я попыталась улыбнуться, но не получилось. — Мне скучно, Ева. А тебе нужен кофе. Мы оба правы. Он отпил из стаканчика. Мне очень захотелось, чтобы ему действительно было всего лишь скучно.

От него пахло табаком, поверх — антисептиком. Я стояла рядом и держала стакан обеими руками, не зная, куда теперь

деть себя. Он не повышал голос. Уже хорошо. Правда, с каждой его шуткой я чувствовала себя ещё младше. — Зачем ты здесь? — Сядь рядом. Он постучал по свободному месту. — Или стой, если хочешь выглядеть как статистка. Мне хотелось огрызнуться: какая ещё статистка? Колени дрожали, и получалось только перехватывать горячий стакан.

Сесть означало перестать делать вид, что я сейчас уйду. Я всё-таки опустила на пол, оставив между нами полметра. Кофе грел ладони; бедро тут же заныло от холода. Артём говорил, глядя на стену: — Ректор Верещагин создал этот университет не для обучения врачей. Он проверяет стрессоустойчивость будущих элит. Кровь, смерть, страх — инструменты калибровки. Трясёшься над открытой грудью — тебя списывают. Я слушала и старалась не перебивать. Он говорил о моей минуте у стола, только слово «Ева» заменил на «будущие элиты». — Но есть нюанс, — добавил он, повернувшись ко мне.

— Тот пациент, которого ты «убила»? Его не было. Я не донесла стакан до рта. — Что? — Фантом. Манекен нового поколения, подключённый к сенсорам. Вас проверяют на реакцию. Марк играет злодея по приказу сверху. Я вспомнила лицо мужчины, красную каплю на очках. Спросить, откуда тогда кровь, казалось глупым; я ведь знала, что её имитируют, но не ждала этого там. — Ты не виновата, Ева. Просто прошла тест на человечность. И провалила. Он улыбнулся своей последней фразе. Мне было не до улыбки.

Я глотнула кофе слишком быстро, обожгла язык, но всё равно глотнула ещё. Значит, никому не сделала больно. Никто не лежит сейчас за той дверью из-за моей руки. Эту мысль хотелось услышать повторно. — То есть он жив? Тот, с кого сделан... — Не в этом дело, — перебил Артём. — Кто проваливает такие тесты слишком часто, исчезает из списка рекомендованных клиник. Назад уже не возвращается. Сколько студентов после третьего курса перестали получать рекомендации, знаешь? Я поставила стакан на пол. Кажется, он не собирался оставить мне даже минуту облегчения.

— Зачем ты мне всё это говоришь? Теперь я смотрела на него, а не на кофе. Он отвечал быстро, словно дожидался вопроса: — У тебя феноменальный слух. Ты различаешь шумы сердца там, где другие смотрят только на графики. Я научу тебя обходить визуальный триггер. Дам архивы старых дел, узнаешь, чего ждать. Звучало хорошо. Даже слишком хорошо после сегодняшних грядок. Я осторожно спросила: — А тебе что нужно? — Чтобы ты делала, что я скажу. Он сказал это без улыбки, и стаканчик, который я наконец решилась поднять, так и остался у пола.

Я перебирала в уме, от чего именно придётся отказаться. Своего расписания? Возможности спорить? Или права уйти, если снова станет страшно? Он ещё ничего не уточнил, а я уже чувствовала себя неблагодарной: человек прикрыл меня перед комиссией, принёс кофе, сел на грязный пол. Завтра зачёт. Подготовиться к нему самой за оставшиеся часы я не

успею. — Хорошо. Что нужно делать? Слово вылетело раньше, чем я решила, на какое из его условий согласна.

В дверь ударили кулаком. Артём поднялся так быстро, что едва не задел мой стакан. — Дежурный. Не двигайся. Репетируем диалог для экзамена по этике. Я открыла рот: почему нельзя сказать правду? Но он уже поправлял халат и смотрел на дверь. Я успела только подтянуть ноги под себя, словно это делало наше сидение на полу похожим на учебное занятие.

Охранник вошёл с фонарём. Верхний свет уже горел, а он всё равно направил луч мне в лицо. Я моргнула, поднимаясь. — Что здесь происходит? Библиотека закрыта на ремонт. Вы тут что делаете? В последний раз он говорил мне про нерабочее время; теперь ещё и ремонт. Я смотрела на Артёма. Мне хотелось, чтобы объяснял он: на нём халат хотя бы был чистым.

— Готовимся, Иван Сергеевич. Студентка Королёва и я отрабатываем кейс. Простите, не знали, что двери блокируются автоматически. Охранник повёл фонарём по полу, по двум стаканам и моему рюкзаку. Задержался на юбке. Я прижала руки к бокам, чтобы не отряхиваться перед ним опять. — Ну-ну. Через час покиньте помещение. Иначе докладная ректору. За доступ в нерабочее время. Артём кивнул с такой готовностью, будто уже через пять минут собирался уйти. Я подхватила этот кивок и только потом сообразила, что тоже подтверждаю нашу выдумку.

После ухода охранника я подняла с пола свой остывший кофе. Артём засмеялся, негромко. Я прислушивалась к удаляющимся шагам: вдруг тот вернётся и спросит, что за кейс мы отрабатываем? Названия у меня не было. — Молодец, Ева. Теперь ты часть игры. Я хотела ответить, что просто промолчала. Именно это и раздражало: сказать почти нечего, а он уже записал моё молчание себе в союзники.

Он достал телефон. Я взглянула на экран из привычки — в операционной сегодня каждое чужое движение казалось важным. Открыта была переписка с М. Верещагиным. Последнее сообщение отправлено только что: «Клиент готов. Она уже на крючке. Начинаем работу». Я успела прочитать все слова. Артём не прикрыл экран, не перевернул телефон. Стоял и ждал, пока я дочитаю.

«Клиент». Я перечитала это слово. Стакан смялся в пальцах, кофе потёк на юбку, и даже ожог сразу не дошёл. Значит, он согласовал и помощь, и ночные занятия. Может быть, и моё место на полу. На кнопке отправки его большой палец выглядел совершенно обычным: тем же пальцем он только что придерживал крышку стакана, чтобы я не пролила кофе. Мне захотелось швырнуть стакан ему в лицо. Вместо этого я поставила его под стол — ещё и аккуратно, чтобы не оставить лужу.

Я схватила рюкзак. Лямка зацепилась за край стола, пришлось дёрнуть ещё раз. — Ты... Остальное не выходило. Артём продолжал смотреть в телефон; на меня даже не повер-

нулся. — Беги, Ева. Или останешься ночевать на полу. Выбор за тобой. Какой удобный выбор. Один стакан кофе, одна испорченная юбка — и снова всё решать мне. Я протиснулась мимо него к двери, пока не захотелось взять рюкзак и ударить.

В коридоре я шла слишком быстро, задыхалась, потом всё-таки побежала. До служебного выхода. Там остановилась и достала телефон: Артём уже успел написать «Доступ к архивам у меня. Решай сама». Я смотрела на сообщение, пока не замёрзли пальцы. С той стороны двери была улица. За спиной — он и материалы для завтрашнего ответа. Вернуться после «крючка» было мерзко. Провалиться ещё раз — тоже. Я набрала: «Только материалы. Никаких сделок». Перечитала. Моя маленькая, смелая надпись ничего от него не требовала, кроме согласия. И всё же я её отправила. Потом повернула обратно.

Глава 3

Умывалась я в туалете учебного корпуса. Холодная вода затекла в рукав; вытереть его было нечем, и я подняла обе руки под сушилку. Двадцать минут до зачёта. За ночь Артём разобрал со мной редкие случаи из архива, я спорила, требовала показывать, откуда взят каждый симптом, сверяла с учебником. На двух примерах даже нашла объяснение раньше него. Отказываться от этого только потому, что он назвал меня клиентом, было жалко. Знания теперь мои, сказала я себе. Ему оставлю только номер телефона. Волосы пригладила влажной ладонью, застегнула халат. Сегодня можно хотя бы ответить нормально.

В четвёртой аудитории я села через ряд от Вики. Она уже разложила вещи: планшет, телефон, аккуратную папку. На её экран я смотреть не собиралась, но там было крупно написано «Иванов А.С.», имя из моего задания. Я чуть повернулась, делая вид, что достаю ручку. От Вики пахло цветочными духами. Мне бы теперь не чихнуть и не выдать, куда я смотрю. Под именем шли симптомы, которых в моей ночной карте не было.

В одной строке тахикардия, в другой брадикардия, время одно и то же. Я пробежала глазами ещё раз: может, перепутала даты? Вика повернула экран к себе, и дочитать не удалось. В конспекте таких странностей не было. Я решила,

что у неё старый вариант или ошибка, и не стала спрашивать. Вчерашний её локоть вспоминался слишком хорошо, чтобы заводить разговор. Сейчас понимаю, что стоило хотя бы уточнить у Громова. Тогда мне хотелось выйти отвечать подготовленной и не произнести при этом Викиного имени.

— Королёва, к доске. Громов не дал времени убрать конспект. Я захлопнула его на нужной странице и взяла с собой.

Поднялась я осторожно: колено затекло, пока сидела. У трибуны переложила листы, отодвинула микрофон от лица. Первые две фразы сказала без запинки. Это помогло. Я уже могла объяснять выученное ночью — называла признаки и вспоминала, как сама проверяла объяснения, а не как Артём их выдавал. У меня в руке дрожала лазерная указка, но к схеме я уже могла повернуться.

— Пациент демонстрирует признаки вторичной гипертрофии миокарда... — я указала лазерной указкой на схему.

Проектор мигнул, и моя схема исчезла. Вместо неё появилась карта Иванова: та, которую я видела у Вики. Я ещё успела указать на место, где только что был нарисован миокард. Красная точка теперь стояла посреди чужой таблицы. От этого промаха за спиной кто-то прыснул.

— Вы уверены, что читаете актуальную карту? Или гадаете на кофейной гуще?

Марк сидел в последнем ряду. Голоса я узнала бы и без того, чтобы искать его среди голов. Наблюдатель от администрации — ему даже не требовалось сегодня вести занятие,

чтобы остановить мой ответ. Я указала на карту на экране, надеясь, что он заметит противоречие. Он не посмотрел туда. Смотрел на меня.

Я сверила свои заметки с экраном. Ещё раз. Тахикардия, брадикардия, одна отметка времени. Надо сказать об этом вслух, а не просто стоять. В третьем ряду уже шептались, за ними обернулся второй. Щёки горели. Все ждали, когда я продолжу, и я никак не могла выбрать: сначала исправлять карту или защищать собственный ответ?

— На экране другие данные. Они не соответствуют протоколу, — сказала я. На последнем слове голос задрался, и я поспешно отодвинула микрофон. Лучше бы оставила: теперь меня наверняка хуже слышно.

Вика хихикнула. Тихо, но ближайшие к ней сразу перестали шептаться и посмотрели на меня. Она не подняла руку, не назвала ни одного верного показателя. Ей хватило этого смешка. Я увидела, как она поправляет планшет, и опустила взгляд на свои измятые листы.

Марк поднялся из последнего ряда и прошёл к трибуне. Я отступила, освобождая ему место у микрофона.

— Тишина в аудитории. Марк дождался, пока умолкнут и последние ряды. Я думала, сейчас он спросит, где расхождение. — Королёва, если ты не можешь отличить реальный диагноз от фантазий, тебе место в морге. Там хотя бы мёртвые не спорят с живыми. Он говорил в микрофон, который я только что отодвинула. Его было слышно прекрасно.

Меня замутило. Я вдохнула и поймала тот же цветочный запах; Вика была далеко, а всё равно мерещилась рядом. В заметках передо мной стояло объяснение, которое ночью выглядело понятным. Сейчас буквы никак не складывались в ответ. Очень хотелось попросить минуту. После фразы про морг минута выглядела ещё одним доказательством моей непригодности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.